

Оценка жизненных событий и диспозиция надежды/безнадежности.

Лабунская В.А., Мансурова И.С.

Резюме.

Проводится социально-психологический анализ феномена надежды/безнадежности, анализируется методический инструментарий, направленный на измерение отдельных характеристик надежды/безнадежности. Определяются теоретические и методические проблемы, связанные с изучением феномена надежды, и предлагается его трактовка в качестве интегрального социально-психологического конструкта, включающего мотивационно - когнитивно-эмоциональные и поведенческие компоненты. Подчеркивается роль жизненного пути в формировании надежды/безнадежности. Приводятся результаты исследования, указывающие на то, что оценка значимых событий прошлого и антиципируемые события будущего обуславливают выраженность различных компонентов надежды.

Ключевые слова:

надежда, безнадежность, диспозиция, оценка жизненных событий, аттитюды ко времени.

Надежда – единственное благо, которым нельзя пресытиться.

Люк де Вовенарг

В ряде современных исследований [2, 9, 10, 16, 18, 29, 34, 36] надежда рассматривается в качестве одной из вечных жизненных ценностей, которая отражает стремление человека к росту, саморазвитию и самосовершенствованию. Состояние экономической нестабильности, в котором находится наше общество, личностные и социальные кризисы, крушение старых общественных ценностей при отсутствии новых, потеря

уверенности в завтрашнем дне, всегда бросают вызов человеческой надежде, человеческому умению выстоять. В связи с этим, проблема надежды/безнадежности приобретает все большую актуальность и имеет социокультурное значение.

Что же такое «надежда»? Употребляя это слово в обычных житейских ситуациях, люди легко улавливают его значение и оно, как правило, совпадает с теми трактовками, которые приведены в русско и англоязычных толковых словарях. Как в русском [19, с. 343], так и в английском языках [30, с. 725] надежда связывается с верой и возможностью достижения желаемого. Но если обратиться к социально-психологическому анализу надежды, то на этом пути возникают немалые трудности, обусловленные тем, что феномен надежды/безнадежности является междисциплинарным и к нему проявляют интерес представители различных ветвей гуманитарного знания, а также служители церкви. Надежда является ценностью с библейских времен, недаром Библию называют книгой о надежде. Во все времена отцы церкви проповедовали, что надежда – теологическая добродетель, что обладание надеждой представляется обязанностью верующего человека, христианин должен надеяться. Исходя из работ А. Августина, В.В. Соколов делает вывод о том, что «прошедшее обязано своим существованием памяти, а будущее – надежде» и подчеркивает, что Августин пытается примирить с существующими общественными порядками рядовых верующих, которые «призываются не роптать на зло, а благодарить всевышнего за то добро, которое он запечатлел в мире» [20, с. 60].

В истории человеческой культуры наблюдаются периоды, характеризующиеся неуверенностью, отчаянием, всеобщим пессимизмом. Например, по мнению В.А. Шкуратова, - это эпоха позднего Возрождения,

общественный настрой которой лучше всего удалось выразить Р. Бертону. Он писал: «...нет создания с жизнью столь хрупкой, столь полной страха и безнадежности, столь яростной; только человек зачумлен завистью, досадой, печалью, безнадежностью, алчностью, гордыней, суеверием» [24, с. 542].

Мысль о том, что безнадежность является следствием определенных жизненных обстоятельств и исторических перемен, сменяется на положение о том, что жизнь людей – это безнадежное длительное угасание и горе. Как отмечает Т. Шварц [23], анализируя работы А. Шопенгауэра, смысл жизни состоит в понимании того, что мир – это скорбь. Таким образом, безнадежность и отчаяние - вечные спутники человеческой жизни, так как сама жизнь, согласно Шопенгауэру, - это сплошное разочарование, страдание и неизбежное приближение к смерти. Поэтому надежда - это лишь иллюзия и самообман, она бесполезна и даже вредна, потому что сбивает человека с пути. Негативный взгляд на надежду был и у немецкого философа Ф. Ницше, развивающего далее идеи Шопенгауэра: «...надежда в действительности есть худшее из зол, ибо удлиняет мучения людей» [13, с. 281].

Принято считать, что в XX веке проблема надежды/безнадежности была поставлена в центр гуманитарного знания представителями экзистенциально ориентированной философии [4, 7, 17], предложившими иной взгляд на функции надежды, на ее роль в жизни человека. Например, С. Кьеркегор указывает на то, что не надежда ведет к горю и мучениям, а наоборот, потеря надежды вызывает отчаяние, особенно тогда, когда человек лишается надежды быть самим собой [7, с. 270]. Для Кьеркегора, в отличие от Шопенгауэра, надежда – это конструкт, придающий жизни смысл; это то, ради чего человеку хотелось бы жить и умереть. Данный

тезис развивается во многих произведениях писателей - экзистенциалистов, обдумывающих проблемы бытия человека, несмотря на то, что они в своих работах («Тошнота», «Мертвые без погребения» Ж.П. Сартра, «Посторонний», «Чума», «Бунтующий человек» А. Камю) пишут о покинутости, отчужденности, страхе, безнадежности. Одновременно, они выражают уверенность в том, что именно надежда может помочь человеку выжить в суровой и, порой, несправедливой действительности. Данный тезис развивается Г. Марселем, который пишет о том, что надеющийся человек не принимает безысходность, фатальность ситуации, не взирая на то, что окружающий мир подталкивает его к отчаянию. По мнению Г. Марселя, «именно в подобном мире может родиться неистребимая надежда» [9, с. 26], вера в то, что в реальной жизни человека «есть нечто, способное победить несчастье» [8, с. 82], она (надежда) способна помочь человеку противостоять невзгодам бытия. Надежда – это то, что может спасти человека, заставляя его действовать, потому что, как замечает Сартр, «надежда лишь в действиях» [17, с. 335].

Таким образом, надежде приписываются в контексте бытия человека противоречивые функции. С позиций религии и религиозной философии, надежда - это теологическая добродетель, обязанность истинного христианина, а безнадежность, отчаяние, уныние – это греховные страсти. Наряду с этой точкой зрения, существует взгляд на надежду, как на «зло», самообман, удлиняющий мучения людей. Данной точке зрения противостоят трактовки надежды как основания человеческого существования, неотъемлемого элемента бытия, наполняющего жизнь смыслом, как признака устремленности в будущее, веры в его возможность. Надежда наделяется функцией противостояния бытию, ей приписываются

задачи спасения человека и человечества, актуализации активности, деятельной природы человека.

В ряде социологических, культурологических и этнопсихологических исследований [5, 6, 16, 18, 27, 28] надежда наделяется статусом ценностной ориентации, рассматривается в качестве характерной черты народа. Так, сотрудники фонда «Общественное мнение», изучая ценности и приоритеты российского общества, пришли к выводу о том, что, представители различных типологических групп россиян больше всего ценят созидание, терпимость и надежду [16]. З.И. Сикевич, конструируя «образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян, также утверждает, что, несмотря на разочарования, «...надежда все еще не покидает россиян». Исходя из полученных данных, делается вывод о том, что надежда – «это одна из наиболее константных черт национального характера русских, идущая в паре с терпением...» [18, с. 92]. О том, что надежда (наравне с верой и терпением) является жизненной ценностью и моральным принципом русского народа, особенностью русской души, говорит содержание многих русских народных сказок, пословиц и поговорок. Так, например, в книге В.И. Даля «Собрание пословиц русского народа» можно найти следующее: «Худое видели, хорошее увидим», «Что ни делается, все к лучшему», «Болящий ожидает здравия даже до смерти», «Век живи, век надейся!», «Будет и на нашей улице праздник», «Не все ненастье, проглянет и красно солнышко», «Счастье скоро покидает, а добрая надежда никогда», «Надеючись, и конь копытом бьет», «Авось – великое слово. Авось не бог, а полбога есть» [3, с. 66].

В рамках гуманистически ориентированной психологии, также как и в экзистенциальной философии, надежде отводится роль показателя состояния бытия, она рассматривается как момент жизненной структуры.

«Надеяться - это состояние бытия. Это внутренняя готовность, напряженная, но еще не растроченная внутренняя активность»- утверждает Э. Фромм [21, с. 305]. Он наделяет надежду функцией преобразования бытия, его изменения в направлении большей жизненности, осознанности и т.д. Вместе с этим, Э. Фромм выделяет особый вид надежды – «пассивная надежда», главное качество которой упование, пассивное ожидание, и считает, что данный вид надежды является замаскированной формой безнадежности. С его точки зрения, надежда – явление парадоксальное, так как она «...и не пассивное ожидание, но и не лишенное реализма подстегивание обстоятельств, которые не могут наступить. Она подобна припавшему к земле тигру, который прыгнет только тогда, когда придет время для прыжка» [21, с. 302]. Э. Фромм определяет, в каких ситуациях надеяться на что-либо имеет смысл. Так, он пишет, что можно надеяться на то, что еще не родилось, но его появление еще не стало безнадежным, и нет смысла надеяться на то, что уже существует или чего не может быть. Действительно, ни один здравомыслящий человек не станет надеяться, например, на то, что он будет жить вечно, но он может надеяться на долгую, здоровую и счастливую жизнь в окружении своих родных и близких.

О том, что надежда помогает людям переносить тяжелейшие испытания пишет К. Хорни, указывая на то, что упование на позитивные перспективы позволяет человеку выжить в трудных обстоятельствах и зачастую оказывается единственным «лучом света» в экстремальных жизненных ситуациях [22]. Она указывает на природу безнадежности, то есть на то, что безнадежность является одним из последствий неразрешенных конфликтов наравне со страхами, обеднением личности и садистскими наклонностями. В этом же ключе рассматривал появление

надежды Э. Эриксон [25], отмечающий, что надежда – это положительное психосоциальное качество, приобретаемое в результате успешного разрешения конфликта «доверие-недоверие». С его точки зрения, надежда является личностной диспозицией или аттитюдом.

Но такие представления о надежде и ее функциях в жизни человека трудно поддаются экспериментальной проверке. Поэтому чаще всего в психологии надежда рассматривается в связи с такими явлениями, как «ожидание» и «достижение цели». Об ожидании, об «уповании на позитивные перспективы» [22], о «подстегивании обстоятельств» [21], как необходимых элементах надежды писали и Э. Фромм, и К. Хорни, и другие. Но в качестве предмета эмпирического исследования они в большинстве случаев рассматриваются в работах, ориентированных на когнитивную психологию. Так, Дж. Аверилл (Averill J.R.) и др. в результате изучения надежды пришли к выводам о том, что цель, может выступать в качестве составляющей надежды, если субъект ее осознает и может контролировать, если она значимая и социально приемлемая. На основе полученных данных они сделали вывод о существовании надежды, как ситуативного состояния, кратковременной реакции, появляющейся и исчезающей в соответствии с динамикой средовых условий существования человека [26]. У Е. Стотланда (Stotland E) надежда включает в себя целенаправленное поведение, упорство, эффекты успеха и неудачи, она дана человеку в «...ожидании достижения цели с вероятностью большей, чем ноль» [36, с. 17], представлена как чувство возможного. Индивидуальный уровень надежды, таким образом, отражает ожидание или ощущение возможности достижения цели и должен быть связан с конкретным действием. Хотя надежда помещается Стотландом в определенный ситуационный контекст, он допускает, что некоторые люди будут надеяться в любых ситуациях.

С. Снайдер (Snyder C.R.), развивая подход к надежде как к целенаправленному ожиданию успеха, позитивного результата, включает в его состав два дополняющих друг друга компонента. Первый компонент назван им «сила воли» и применяется для оценки решимости, успешности в достижении целей в прошлом, настоящем и будущем. Второй компонент обозначен как «пути достижения целей» и указывает на способность человека создавать успешные планы достижения целей [34]. Два компонента, выделенные С. Снайдером, указывают на необходимые условия существования надежды, среди которых рефлексия достижений в прошлом, прогнозирование их на будущее, умение двигаться планомерно к намеченной цели, а также умение преодолевать трудности, т.е. проявлять силу воли. Учитывая сказанное, становится понятным почему С. Снайдер настаивает на том, что надежда – это производная от социализации человека, качество, приобретаемое в процессе становления личности. Данная мысль развивается в работах К. Муздыбаева [9, 10], который связывает надежду со способностью личности контролировать и управлять обстоятельствами собственной жизни, с готовностью к действию, к активному преобразованию реальности. О надежде как ориентации на будущее, включающей последовательную реализацию трех процессов: мотивации, планирования и эмоциональной оценки, пишет Е. Нурми (Nurmi Jari-Erik) [32].

Опираясь на приведенные выше трактовки надежды, можно сделать вывод о том, что их объединяет понимание надежды как ожидание желаемого и вера в то, что оно может быть достигнуто. Само желаемое ассоциируется с приятными событиями, а достижения с хорошими результатами. Объект надежды – это всегда некое благо или нечто позитивное, нечто, вызывающее положительные эмоции. Вместе с этим

желаемое должно быть осуществимо, по крайней мере, у субъекта должна быть уверенность в его достижении, он должен уметь оценивать прошлые успехи и прогнозировать будущее, двигаться планомерно к намеченной цели, преодолевать трудности, контролировать и управлять обстоятельствами собственной жизни, быть готовым к действию, к преобразованию реальности. Активному субъекту надежды противопоставляется пассивный, который также ожидает какого-либо блага, но при этом ничего не делает, «смирненно ждет», «уповает на лучшее». И в первом, и во втором случае надежда ориентирована на будущие результаты, достижения и события. При такой трактовке надежды несколько снижается ее роль «фундамента», придающего смысл жизни человека. Надежда становится в психологических трактовках явлением, зависящим от множества переменных, выступает в качестве ситуативного состояния, а не главной ценностью и ценностной ориентацией личности. В соответствии с выше обозначенными трактовками феномена «надежды» разрабатываются методы диагностики. Наиболее популярной и широко используемой в настоящее время методикой является шкала безнадежности Бека. Она была разработана А. Беком и его сотрудниками более четверти века назад. К ней обращаются исследователи Японии, Китая, Индии, Финляндии, Польши, США [27-30, 32, 33] с целью выявления детерминант надежды/безнадежности, для изучения корреляций между безнадежностью и консервативной ориентацией общества, выраженностью надежды/безнадежности и личностными переменными типа нейротизма, экстраверсии/интраверсии, депрессии, суицидальных тенденций, позитивных и негативных эмоций, открытости новому опыту, уверенности в себе и др. Популярность методики объясняется, по мнению А.А. Горбаткова [2], не только тем, что она хорошо зарекомендовала себя в

научных исследованиях, но также и тем, что она является эффективным средством диагностико-практической работы, будучи, например, одним из наилучших предикторов суицидальных тенденций. Используя двухкомпонентную модель надежды, о которой говорилось выше, Снайдер и его коллеги разработали шкалу для измерения личностной диспозиционной надежды. Помимо этого, существует личностный опросник, позволяющий вывести Индекс надежды (Hope Index), предложенный С. Стаатс и М. Стассен в 1986 году. «Индекс надежды» определяется как результат взаимодействия желаемого и ожидаемого. При этом с помощью «Индекса надежды» диагностируются в первую очередь когнитивные аспекты надежды. Теоретической основой методики является концепция триады «я – другие – мир» А. Бека, описывающая взаимодействие человека с окружающим миром. Другая методика измерения надежды - шкала ожидаемого баланса (Expected Balance Scale, EBS), направленная на выявление эмоционального аспекта надежды. Надежда, диагностируемая по шкале ожидаемого баланса, определяется как разность ожидаемых положительных и отрицательных эмоций. При использовании этой шкалы отмечаются высокие корреляции данных, полученных с помощью методик исследования отношения к будущему, таких, как, например, шкала лиц (Face Scale). Эта методика применяется для определения того, как человек себя чувствует в настоящее время, какие он ожидает чувства в будущем, и того, как думают и что чувствуют большинство людей. С целью оценки собственной жизни в прошлом и оценки ожиданий по поводу своей жизни в будущем применяется шкала определения средств достижения успеха (Cantril Ladder Scale). Для диагностики степени выраженности надежды/безнадежности используются также методики, направленные на измерение оптимизма/пессимизма.

Например, опросник атрибутивного стиля (Attribute Style's Questionary, ASQ), предложенный Селигманом и Петерсоном, и тест жизненных ориентаций (Life Orientational Test, LOT) Шейера и Карвера. Для определения степени выраженности надежды в шести жизненных сферах (академические достижения, социальные отношения, семейная жизнь, «романтические отношения», работа и досуг) применяется шкала надежды (Domain Specific Hope Scale, DSHS), разработанная Р. Симпсоном (Simpson R.). В отличие от выше приведенных методик она дает сведения о том, насколько дифференцированно проявление надежды у субъекта. Кроме шкал, непосредственно предназначенных для измерения степени выраженности надежды/безнадежности, существуют еще несколько многофакторных опросников, включающих в себя в качестве одного из измеряемых показателей степень надежды. Например, опросник «Самочувствие. Активность. Настроение» (САН), где надежда относится к такому психоэмоциональному состоянию как «настроение»; Висбаденский многофакторный опросник Н. Пезешкиана (WIPPF), который определяет надежду, как «способность признавать будущие возможности и одновременно признавать относительность достижений настоящего дня» [14].

Из приведенных трактовок надежды и соответствующих им методов ее диагностики следует, что к феномену надежды/безнадежности необходимо относиться как к явлению, которое в контексте психологии может быть интерпретировано в пространстве следующих координат: ситуативная – устойчивая; активная – пассивная; эмоциональное состояние – личностная установка (диспозиция). Надежда в качестве состояния и диспозиции проявляется дифференцированно в зависимости от сфер жизнедеятельности. В этой связи можно ввести измерение «парциальность –

тотальность надежды/безнадежности”. Ядром активной надежды является ориентация на будущее, сопряженная с преобразовательной активностью субъекта, направленной на позитивно значимый для личности объект, отсутствующий в настоящее время, но достижение которого имеет определенную долю вероятности. Поэтому для измерения надежды становятся актуальными такие показатели, как выраженность ожидания достижения цели, степень выраженности мотивации достижения, оценка и отношение к прошлому и настоящему, представленная в аттитюдах ко времени. В целом, направления анализа феномена надежды/безнадежности позволяют говорить о нем как о сложном социально-психологическом феномене, функционирующем во всех пространствах бытия человека, связанном с оценкой собственной жизни в прошлом и ожиданиями в будущем, с умением двигаться планомерно к намеченной цели, контролировать и управлять обстоятельствами собственной жизни, быть готовым к действию. Перечень характеристик и составляющих феномена надежды определяют подбор методов его изучения. В частности, указывает на необходимость изучения феномена надежды с помощью ряда предлагаемых шкал, опросников, диагностирующих его различные компоненты.

В нашем исследовании сделан акцент на изучении надежды в качестве устойчивого образования – личностной диспозиции. Эмпирическими коррелятами надежды, как личностной диспозиции, становятся: обобщенное ожидание достижения цели, выраженность мотивации достижения, способность находить пути достижения цели, уровень выраженности личностного контроля времени. Анализ теоретического и эмпирического материала по проблеме надежды/безнадежности делает очевидным сопряженность формирования диспозиции

надежды/безнадежности с жизненным путем личности, с особенностями ее бытия, с оценкой жизненных событий прошлого и будущего. Поэтому в нашем исследовании основное внимание было направлено на установление взаимосвязей между позитивностью оценки жизненных событий и формированием личностной диспозиции надежда/безнадежность. Было сформулировано предположение, что содержание значимых событий прошлого, настоящего и антиципируемые события будущего обуславливают выраженность различных компонентов надежды/безнадежности.

Эмпирический объект исследования - студенты 3-4 курсов одного из факультетов Ростовского государственного университета. Всего в исследовании приняли участие 74 человека (42 женщины и 32 мужчины в возрасте 19 – 22 лет).

Для достижения поставленной цели и в соответствии с данной нами интерпретацией феномена надежды, мы использовали следующий методический инструментарий: 1) шкала безнадежности Бека, направленная на измерение надежды как эмоционального состояния [2, 10]; 2) шкала диспозиционной надежды Снайдера, предназначенная для измерения личностной диспозиционной надежды как обобщенного ожидания достижения цели [10, 34]; 3) методика диагностики надежды как степени выраженности мотивации достижения [15]; 4) шкала аттитюдов ко времени Ньюттена, адаптированная К. Муздыбаевым [12]. Данная шкала построена на основе семантического дифференциала Ч. Осгуда и состоит из 15-ти биполярных прилагательных-характеристик, оцениваемых по семи бальной системе. После анализа корреляционной матрицы и факторного анализа К. Муздыбаевым было выделено три индекса: «эмоциональное отношение ко времени», «ценностное отношение» и «личностный контроль времени». Первый индекс-это среднее арифметическое баллов по следующим

пунктам шкалы: приятное - неприятное, безопасное - страшное, прекрасное - ужасное, легкое - трудное, светлое - темное. Во второй индекс вошли пункты: насыщенное событиями - бедное событиями, интересное - скучное, значительное - незначительное, осмысленное - бессмысленное, мое - чужое. Третий базируется на следующих пунктах шкалы: исполненное надежд - безнадежное, быстро проходящее - долго тянущееся, успешное - неудачное, свободное - несвободное, активное - пассивное; 5) для определения степени позитивности оценки жизненных событий применялась методика Л.Ф. Бурлачука – «Психологическая автобиография» [1]. Это проективная методика исследования переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни, позволяющая провести содержательный (качественный) и количественный анализ событий прошлого и будущего. Участников исследования просят перечислить самые важные прошлые и будущие события, дать количественную оценку каждому событию с точки зрения его позитивности/негативности и указать его примерную дату.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической обработки данных: корреляционного анализа и процедур квантирования. Значимый коэффициент корреляции с 95%-ным уровнем достоверности для выборки из 74 человек составил $r = 0.234$.

Ниже приводится корреляционная плеяда (см. рис. 1), которая отражает значимые взаимосвязи между следующими компонентами диспозиции «надежда-безнадежность»: мотивацией достижения, настойчивостью в достижении цели, способностью находить пути достижения цели, обобщенным ожиданием достижения цели, степенью выраженности надежды как эмоционального состояния и личностного контроля времени. На рисунке 1 хорошо видно, что надежда как

личностная диспозиция представляет собой целостную структуру, ее компоненты образуют множественные связи, в центре которых находится такой компонент диспозиции «надежды-безнадежности», как «обобщенное ожидание достижения цели». Чем сильнее выражено ожидание такого типа, тем выше показатели настойчивости в достижении цели, стремления находить пути достижения цели. Они, в свою очередь, взаимосвязаны с такими компонентами диспозиции «надежда-безнадежность», как ожидание успеха, позитивного результата, с личностным контролем времени и с эмоциональным переживанием надежды. Таким образом, активная надежда сопряжена с целеполаганием, с настойчивостью, с выраженным ожиданием достижения цели.

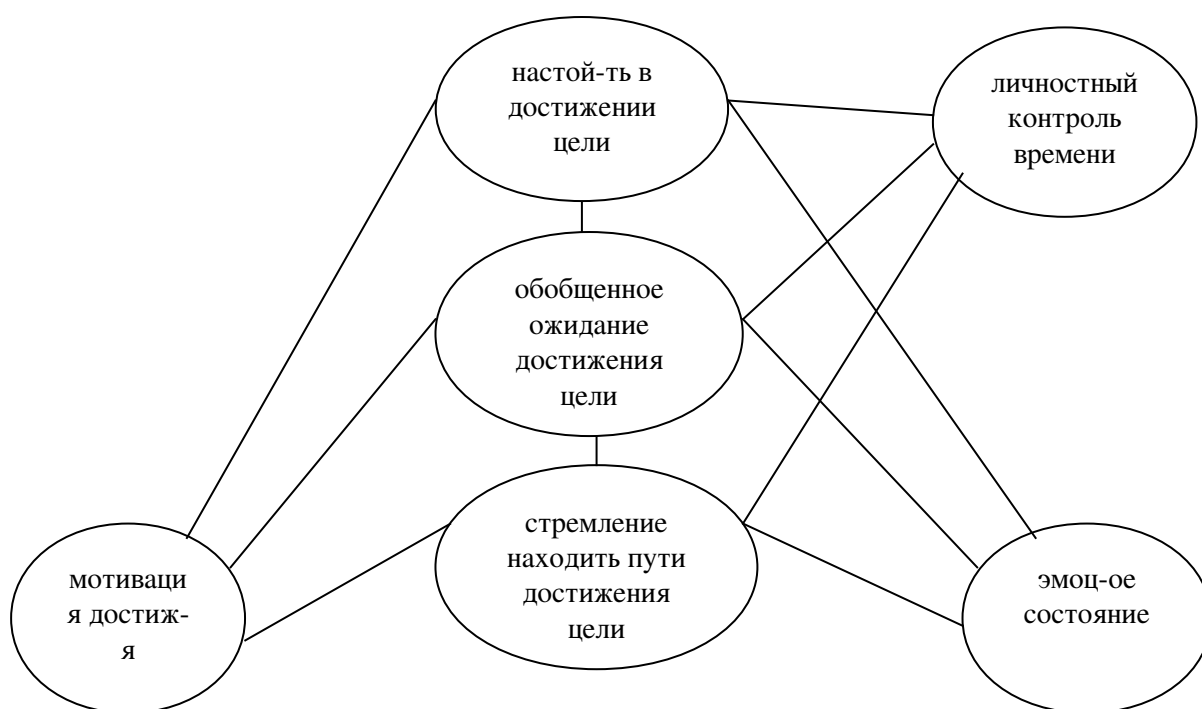

Рисунок 1. Корреляционная плеяда: взаимосвязь компонентов надежды/безнадежности.

На втором этапе исследования в результате применения шкалы аттитюдов ко времени Ньюттена в адаптации К. Муздыбаева было установлено, что студенты исключительно позитивно оценивают прошлое,

настоящее и будущее (см. табл. 1). Приведенные в таблице данные показывают,

Таблица 1.

Аттитюды ко времени: средние значения трех индексов: эмоционального отношения, ценностного отношения и личностного контроля прошлого, настоящего и будущего времени (N=74, шкала 1→7).

индексы	прошлое время	настоящее время	будущее время
Эмоциональное отношение	5,3	4,7	5,3
Ценностное отношение	4,8	5,8	6,3
Личностный контроль	5,1	5,4	5,7

что в эмоциональном отношении настоящее оценивается менее благоприятно по сравнению с прошлым и будущим: будущее кажется респондентам наиболее приятным (5.7), светлым (5.7) и прекрасным (5.7) временем; самое безопасное (5.4) и легкое (5.6) в восприятии респондентов – прошлое. В ценностном отношении наиболее значительным для студентов является будущее. Оно (будущее) воспринимается как наиболее осмысленное (5.9), интересное (6.2), насыщенное событиями (6.3), и значительное (6.3) время. Наиболее полная возможность управлять обстоятельствами своей жизни (личностный контроль) прогнозируется респондентами в будущем, которое они оценивают как исполненное надежд (6.0), успешное (5.8), активное (6.3) и свободное (5.6).

Анализ позитивности оценок событий (см. методику Л.Ф. Бурлачука) показывает, что, как в прошлом, так и в будущем преобладают у участников исследования радостные события. С целью определения взаимосвязей между степенью позитивности оценок жизненных событий и степенью выраженности компонентов надежды/безнадежности был проведен корреляционный анализ. Мы учитывали такие параметры событийного ряда, как количество прошлых и будущих радостных и грустных событий, значимость этих событий, а также среднее время антиципации и ретроспекции радостных и грустных жизненных событий.

Корреляционный анализ позволил обнаружить значимые взаимосвязи между различными компонентами надежды и параметрами оценки жизненных событий прошлого и будущего (см. рис. 2).

Оказалось, чем больше было радостных событий в жизни человека и чем значимее они являются для него, чем позитивнее восприятие настоящего времени, тем выше выраженность такого компонента надежды как личностный контроль времени, т.е. тем выше способность человека контролировать свою жизнь, управлять ею, нести ответственность за события своей жизни. Одновременно, с увеличением количества позитивных прошлых событий увеличивается выраженность личностного контроля времени и становятся более позитивными аттитюды к настоящему времени.

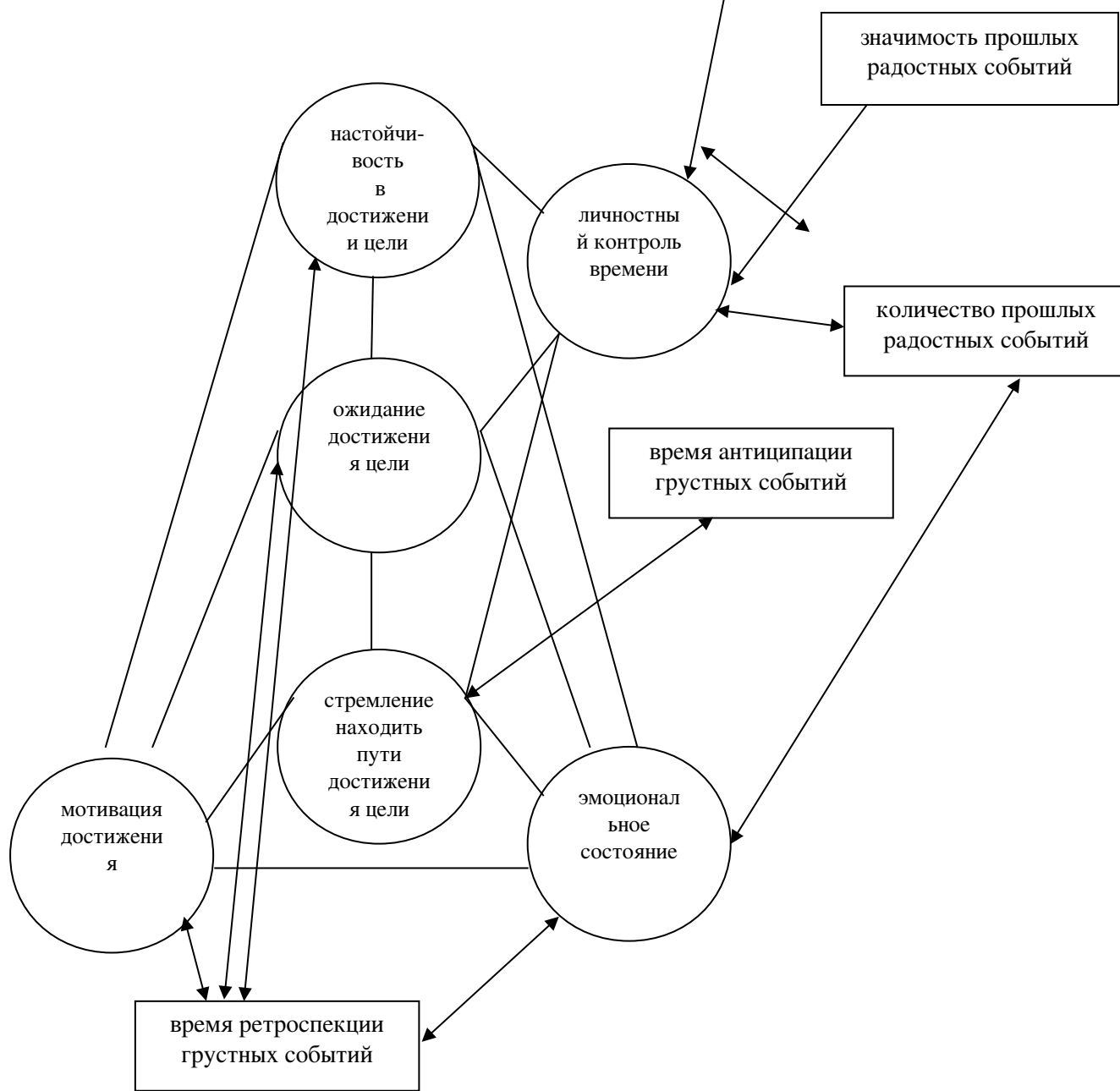

Рисунок 2. Корреляционная плеяда: взаимосвязь параметров оценки жизненных событий и компонентов надежды\безнадежности.

Особое значение имеют взаимосвязи между такими показателями, как удаленность грустных событий в прошлое и антиципации грустных событий (удаленность грустных событий в будущее) с компонентами надежды. Чем меньше удаленность грустных событий в прошлое, тем выше ожидание достижения цели, настойчивость и упорство, тем сильнее надежда на успех и интенсивнее ее переживания как состояния. Чем больше время антиципации грустных событий (чем больше удаленность грустных событий в будущее), тем ярче выражены такие компоненты надежды как личностный контроль времени и стремление находить пути достижения цели. Из этих данных следует, что выраженность ядерных компонентов диспозиции «надежды-безнадежности», отражающих целеполагание, настойчивость, ожидание достижения цели, в большей степени связана не с количеством, значимостью, антиципацией и ретроспекцией радостных событий, сколько с количеством, значимостью, антиципацией и ретроспекцией грустных событий.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают справедливость выдвинутой гипотезы и свидетельствуют о том, что формирование различных компонентов личностной диспозиции

надежды/ безнадежности происходит в соответствии с оценками собственной жизни в прошлом и ожиданиями в будущем. Интерпретация значимых событий прошлого и антиципируемые события будущего обуславливают выраженность различных компонентов надежды. В структуре диспозиции «надежды/ безнадежности» сильнее выражены компоненты «личностный контроль времени», эмоциональное переживание надежды, если субъект отмечает большее число радостных событий и придаёт им особое значение, наполняет ими будущее. В том случае, когда переживание грустных событий остается актуальным, т.е. они находятся в недалеком прошлом, увеличивается выраженность таких компонентов, как «ожидание достижения цели», «надежда на успех», переживание надежды как состояния.

В заключение необходимо отметить, что изучение феномена надежды/безнадежности связано с методическими трудностями и первым шагом на пути к их преодолению является предложенный нами набор методов, позволяющий диагностировать различные компоненты диспозиции «надежда-безнадежность», и устанавливать взаимосвязи между ними, определять уровни их выраженности, опосредованные интерпретацией прошлых жизненных событий и прогнозированием будущих. Следовательно, появляются практические возможности коррекции компонентов диспозиции «надежды-безнадежности» с помощью различных психотерапевтических приемов, направленных на работу с проблемами бытия субъекта.

Литература.

1. Бурлачук Л.Ф. Психология жизненных ситуаций. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.

2. Горбатков А.А. Исследование факторной структуры шкалы безнадежности А. Бека // Психологический вестник РГУ, 2003.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М. Эксмо-Пресс, 2002.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде //Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990.
5. Кессельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе // Социологические исследования, 1998, № 1/2.
6. Котик М.А. Как студенты тартуского университета смотрят в будущее//Вопросы психологии, 1995, № 2.
7. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
8. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему //Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.
9. Муздыбаев К. Феноменология надежды //Психологический журнал. Т. 20, 1999, № 3.
- 10.Муздыбаев К. Измерение надежды //Психологический журнал. Т. 20, 1999, № 4.
- 11.Муздыбаев К. Переживание бедности как социальной неудачи: атрибуция ответственности, стратегии совладания и индикаторы депривации //Социологические исследования, 2001, № 1.
- 12.Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов //Психологический журнал, 2000, Т. 21, № 4.
- 13.Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинение в 2-х т. М.: Мысль, 1990.
- 14.Пезешкиан Н. Психосоматика и позитивная психотерапия: Пер. с нем. М.: Медицина, 1996.

15. Реан А.А. Психология изучения личности. Изд-во Михайлова В.А. СПб, 1999.
16. Российское общество: ценности и приоритеты // Политические исследования, 1993, № 6.
17. Сартр Ж.П. Экзистенциализм-это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989.
18. Сикевич З.В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования, 1999, № 1.
19. Словарь русского языка // Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Изд-во «Русский язык». 1982.
20. Соколов В.В. Средневековая философия. М.: «Высшая школа», 1979.
21. Фромм Э. Революция надежды // Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.
22. Хорни К. Наши внутренние конфликты // Собр. Соч. М.: Смысл. Т.3.
23. Шварц Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. М., 1984.
24. Шкуратов В.А. Р. Бертон – Анатомия меланхолии // Культурология. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
25. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
26. Averill J.R., Cattlin G., Chon K.H. Rules of hope. N.Y.: Springer-Verlag, 1990.
27. Chau-Kiu Cheung. Conservative orientation as a determinant of hopelessness // Journal of Social Psychology, 1996, 136(3),333-347.
28. Eriko Tanaka, Shinji Sakamoto. Hopelessness in a community population: factorial structure and psychosocial correlates // Journal of Social Psychology, 1998, 138 (5), 581-590.
29. Kwon P. Hope, defense mechanisms and adjustment: implications for false hope and defensive hopelessness // Journal of personality, april 2002.

30. Lester D. An inventory to measure helplessness, hopelessness and helplessness //Psychological Reports, 2001, 89, 495-498.
31. New Webster's dictionary of the English language //College Edition. Surjeet publications, 1989.
32. Nurmi Jari-Erik. Development of orientation to the future during early adolescence: a four-year longitudinal study and two cross-sectional comparisons //International Journal of Psychology, 24 (1989), 195-214.
33. Shek D. Measurement of pessimism in Chinese adolescents: the Chinese hopelessness scale //Social behavior and personality, 1993, 21(2), 107-120.
34. Snyder C.R. Hope and optimism //Encyclopedia of human behavior. San Diego, 1994, V.2, 535-542.
35. Staats S. Hope: Expected positive affect in an adult sample //Journal of genetic psychology, 148(3), 357-364.
36. Stotland E. The psychology of Hope. An integration of Experimental, Clinical, and Social Approaches. San Francisco: Jossey-Bass, 1969.